

Ариадна
СЛАДКОВА

МАМБО

втроём

16+

Ариадна Сладкова Мамбо втроём

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42344247

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга написана живым и образным языком, сочетающимся порой с напряженным ритмом. Проза автора отличается тонким психологизмом, удивительной лиричностью, самобытностью и неподражаемой авторской иронией. В оформлении обложки использовано изображение с сайта shutterstock.

Содержание

Личное пространство фрау Хельги	4
Ловушка в эндшпиле	18
Часть первая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Личное пространство фрау Хельги

Пиештяны, Пиештяны – милое курортное местечко в западной части Словакии, столь любимое, являющееся заветным желанием для определенного круга людей. Здесь отдыхают, лечатся, развлекаются... Сюда ездят десятилетиями, ездят семьями. Встречаются из года в год как хорошие знакомые... Здесь особая атмосфера неторопливой размеренной жизни. Каждый отдыхает в соответствии со своими привычками. В тихом курортном местечке есть казино и дорогие рестораны, в прекрасном ботаническом саду под развесистым гинкго билоба можно уединиться и побыть наедине с природой. И в какое бы время года вы ни приехали – это всегда доставит удовольствие. Мягкий климат, много солнца, карпатские склоны, река Ваг, неторопливо несущая свои воды. Близ курортного острова у берега горделиво плавают лебеди и утки. То тут, то там встречаются теплые маленькие лужицы-озера, термальные минеральные источники, где много всякой живности и даже зимой цветут лилии...

Хельга в Пиештянах уже в девятый раз. Всегда в одно и то же время года, в начале февраля, здесь собираются ее друзья. У Хельги большая семья: трое взрослых детей и четверо внуков. Все дети разъехались – две дочери живут в Берлине, а сын с женой – в Америке, в Хьюстоне. Теперь Хельга одна. Муж Хельги был музыкантом – виолончелистом, играл в

известных оркестрах, в свое время они объездили весь мир. Десять лет назад Ханс не вернулся с концерта, попав в автомобильную катастрофу. С тех пор она жила с этой болью в сердце.

Теперь жизнь у нее вполне размеренная. Просторная красивая квартира в Мюнхене. Летом в ее загородный дом дети привозят внуков. Это радостное и веселое время.

Зимой Хельга ездит на лечение в Пиештяны, относительно недорогой курорт с хорошим обслуживанием. Многие немцы облюбовали это местечко. После лечения она забывает на время о ноющей боли в коленях и пальцах рук. Грязевые конверты, рефлекторный массаж – заряд здоровья на весь год. Она всегда останавливается в одном и том же отеле «Берлин», в одном и том же номере триста четыре на третьем этаже с видом на костел и реку. В этом году был разговор, что отель закроют на ремонт, ей предлагались другие варианты: красивый четырехзвездочный отель «Магнолия», но об этом не могло быть и речи. Свои привычки Хельга не любила менять. И на этот раз все разрешилось благополучно, а может быть, как всегда: снова «Берлин», снова номер триста четыре с видом на реку и костел.

Хельга стояла у окна, любуясь видом на реку. Колоннадный мост – дорога на Курортный остров. Ей нравилось здесь все: и Наполеоновские купели, где теперь располагался Бальнео-центр, а когда-то был госпиталь для наполеоновских войск, и целебный источник с очень противной на вкус

водой. Все знакомо до мелочей, как будто Пиештяны вошли в ее жизнь и стали чем-то родным. Снег искрился в лучах солнца. Было пустынно. В это послеобеденное время многие отдыхали, другие разбрелись по городу, по магазинам. Хельга надела на палец колечко – миниатюрный тонометр. Она любила часто мерить давление. После процедур оно относительно нормализовалось. Не хотелось больше думать о болезнях, принимать таблетки. Здесь она разрешала себе сокращать до минимума их прием. Хельга чувствовала себя помолодевшей, ей вновь захотелось увидеть Мирона. Как будто незримый солнечный ветер вдруг подул на нее и уколол в сердце. Вот уже второй сезон сербский музыкант, немолодой, но такой одержимый и талантливый, был ее тайной страстью. Мирон был хозяином модного кафе, где с интернациональной группой музыкантов давал концерты по средам и пятницам. Он также приглашал известных музыкантов из других стран. Был местной знаменитостью. Хельга задумалась. Еще два года назад в этом помещении была ничем не примечательная булочная, и жизнь ее была размеренна и спокойна. Но когда Мирон арендовал это помещение, все изменилось. Она вспомнила, как долго она сопротивлялась этому чувству, убеждая себя, что это лишь мимолетное увлечение. Дома, в Мюнхене, она старалась не вспоминать о нем. Но как только приехала в Пиештяны, увидела его, услышала его игру, все возобновилось с еще большей силой. А ведь могло же так случиться, что она не приехала бы в этом

году сюда, ну скажем, из-за ремонта отеля? Хельга вспомнила его лицо, руки, его сложную и смелую композицию-импровизацию на последнем позавчерашнем концерте, когда он играл в паре с гитаристом. И во всем этом ей почудилось что-то фатальное, неизбежное... Хельга подошла к зеркалу. Не важно, что уже шестьдесят шесть, не важно, что седина. Напевая мелодию, она задвигала бедрами и руками в такт мелодии. И кто бы мог подумать, что этот музыкант-ударник так тронет ее сердце. Импульсивная ритмичная игра, филигранность исполнения. Прочь болезни, сердце помолодело. К ней вернулась жажда жизни. Хельга не пропускала ни одного концерта Мирона. Она еще раз взгляделась в зеркало, достала из сумочки пудреницу. В сущности, она была привлекательна своей уже немолодой красотой. Маленький вздернутый носик, густые с проседью рыжеватые волосы, да и протезист поработал на славу, Хельга отдала за эти блестящие белые зубы целое состояние. Она набрала телефон салона и узнала о времени приема знакомого парикмахера. Она должна быть особенной. Именно на сегодня она наметила серьезный разговор с Мироном. Вообще-то разговоры уже были, и каждый раз ей казалось, что что-то должно измениться, но они всегда заканчивались какой-то неопределенностью. И все же этому разговору она придавала исключительное значение. Все подсказывало ей, что время пришло. Ей оставался еще час. Хельга включила телевизор. Передача о военных летчиках-ветеранах. Когда Хельга смотрела такие передачи,

ей всегда представлялся ее отец. Она думала о том, каким бы он был, если бы дожил, наверное, похожим на своего брата, высокого седого старика с орлиным носом. Отца своего она не помнила. Он был инженером-путейцем, и его в тридцать девятом демобилизовали на фронт. Хельга родилась в сороковом. Отец погиб под Сталинградом. Зато она отчетливо помнила разрушенный после бомбардировок Берлин в сорок пятом. Город, где прошло ее детство. В их дом попала бомба, часть дома была полностью разрушена, другая же половина, где находилась их квартира, каким-то чудом уцелела. В промежутках между бомбежками мать надолго отлучалась, одеваясь в тряпье, в поисках хоть какого-то пропитания, оставляя ее одну в опустевшей квартире. Хельге было очень страшно, что мать не вернется. По городу бродили страшные чужеземные солдаты. Когда она задумывалась об этом, то вообще не понимала, как они выжили и не умерли с голода. Мать рассказывала, что помог их загородный дом, в подполе которого хранились консервы и заготовки. Мать ее в войну работала в госпитале. Сколько ей пришлось вынести. Сначала отец, потом погиб старший брат, которого Хельга тоже почти не помнила. Мать рано состарилась и поседела. После войны Хельга окончила медицинское училище и работала медицинской сестрой в том же госпитале, что и мать. Она мечтала стать врачом, но встретила Ханса – прекрасного парня и замечательного музыканта. Ей казалось, что это было только вчера: улыбающийся Ханс с цветами в руках,

они бредут по тихой берлинской улочке. Она уехала к нему в Мюнхен, где родились их дети, где они прожили тридцать лет. От воспоминаний Хельгу отвлек звонок телефона. Звонила Марта, давнишняя подруга Хельги по Пиештянам. Они условились о встрече. Хельга начала переключать пульт телевизора. Замелькали картинки австрийских программ. Ничего интересного. Словацкие программы были еще нудней. Внезапно в кадре прозвучало: «Косово», – и Хельга замерла. На экране разрушенные храмы, пронзительное пение монахов. Откуда он родом, Мирон? Они никогда не говорили о войне. Темы их разговоров были легкие и веселые. Хельга знала, что где-то в Югославии жили жена Мирона и его взрослый сын. Он мало говорил о своем прошлом. Чувствовала, что за спиной Мирона трагедия, но, может быть, она сумеет растопить лед...

Сегодня они с Мартой ужинали в разное время и потому условились встретиться у дома Винтерова. Они часто встречались там. Это было их любимое место. Набегают по магазинам, и в назначенный час к дому Винтерова. Тем самым они как бы отдавали дань уважения этому человеку, одному из основателей их любимого курорта. Сегодня Хельга в прекрасном приподнятом настроении. На ужин она выпила пару бокальчиков красного вина и развеселилась. Каракулево манто, отороченное песцом, аккуратно уложенные прекрасные густые волосы, слегка подкрашенные губы. В эти вечерние часы улица Винтерова была особенно красива. Мягкий

свет фонарей подсвечивал двух-трехэтажные здания различных архитектурных стилей, и они гармонично сочетались друг с другом. Магазины, магазинчики... Вот и дом Винтеров с оригинальным значительным фасадом, на нем мемориальная табличка. Марта еще не появилась. Мягкий свет падал на старинный дом, шел мелкий мокрый снег. Кругом мелькали зонтики. Хельга с любопытством вот уже в который раз вглядывалась в окна. Она всегда пыталась представить, как он жил. Ведь это он построил здесь первые гостиницы, приобретал необходимое оборудование. Управлял всем этим, а в сороковом году, во время войны, его семья вынуждена была покинуть это место, как это несправедливо...

Наконец невдалеке показалась Марта, тоже нарядная, тоже с разноцветным сине-красно-голубым зонтиком. У них с Мартой много общего. Она тоже много лет уже лечилась в Пиештянах, была соседкой Хельги в отеле. Марта выросла без отца, он погиб на фронте в Италии в самом конце войны, и она его знала тоже только по фотографиям. Как и Хельга, она была младшей в семье. Когда-то в молодости она была журналисткой, жила в Берлине, неудачно вышла замуж, муж оказался гулякой и ловеласом. Она разошлась с ним. В наследство от матери ей осталась земля и несколько домов-отелей на большом острове в Балтийском море. Теперь Марта живет на острове Рюген. Хельга уже несколько раз была у нее в гостях. Красотища! На острове прекрасные сады, безлюдные пляжи, меловые утесы, много чаек, ослепительно белый

песок...

Марта бежала из магазина Деона. Его они знали давно, в его магазинах всегда покупали золотые украшения. Деон был удачливый торговец. В Пиештянах он открыл уже четыре ювелирных магазина. Деон из Югославии, бежал от войны со своей семьей. Он очень коммуникабелен, его знал весь город... Марта похвалилась новым ожерельем, сплетенным из красивых сердечек граната и сердолика, и так относительно не дорого по европейским меркам. Но вот и арт-кафе. В зале шумно, почти все столики заняты. Мимо столов то и дело пробегают юркие официанты. Хельга всегда бронировала столик у сцены. Марта, как всегда, заказала бутылочку красного, а Хельга свой любимый крепкий оранжевый коктейль. За их столиком тотчас же образовалась компания. Их радостно приветствовала немецкая пара из Берлина. Они были знакомы уже несколько лет с этой веселой парочкой. Гюнтер любил рассказывать забавные курьезы об их путешествиях на яхте. К ним подсели пожилой аптекарь со своей маленькой супругой. С ними Хельга в прошлом году сидела за одним столиком в ресторане санатория. Они были словаками, жили в Братиславе, но хорошо говорили по-немецки. Юрек был мастер анекдотов, часто непристойных. Хельга раскраснелась, много смеялась...

Внезапно зал радостно загудел, на сцену шли музыканты. Высокий сутуловатый Мирон в серой ничем не примечательной курточке позади всех... Он помахал рукой Хель-

ге, и та отвечала восторженным воздушным поцелуем... Для разогрева публики было предложено несколько легких популярных песенок. Гитарист играл и пел, зажигая присутствующих. Зал подпевал знакомые мелодии. Внезапно гитарист смолк. Возникла неестественная тишина. И в этой тишине, подобно ослепительной вспышке молнии, зазвучала партия ударника. Необыкновенно сложный музыкальный рисунок. Виртуозная техника игры, нарастающий темп. Это было подобно электрическому разряду. И не было конца этой сложной импровизации, в которой были и отзвуки пережитого, от которого замирали сердца слушателей, и триумф жизни и любви... Соло закончилось всеобщим ликованием. Гости вскакивали со своих мест с криками «Браво!». И этот острый взгляд в сторону Хельги, как будто все это только для нее. Снова зазвучал гитарист с зажигательной мелодией. Хотелось двигаться и танцевать. Молодой красавец-босниец, завсегда с кафе, задал тон. Они с белокурой подружкой темпераментно задвигались на площадке у сцены. К ним присоединились остальные. Могла ли усидеть Хельга. Ее невозможно было узнать. Они темпераментно отплясывали с Мартой, и в их движениях был лишь молодой азарт красивых, самоуверенных, знающих себе цену женщин. Только музыка, только веселье, только радость... Хельга чувствовала в этом вечере что-то особенное. Знала, что разговор неизбежен, предвкушая победу, и все в ней дрожало, как в молодости, от желания этой любовной встречи. Пропали сомне-

ния, мучившие ее днем, и все в ней говорило: «Пора, пора, пора...»

Ну вот и музыкальная пауза. В зале душно, накурено. Музыканты спустились со сцены в зал. Подвыпившая компания немцев, отмечающих чей-то юбилей, шумно приветствовала их и пригласила к себе за стол. Вечер был в разгаре. Хельга громко смеялась, ей хотелось, чтобы Мирон поскорее отделался от назойливых гостей и подсел к ним, но желающих пригласить к себе за столик музыкантов было множество. Марта потянула разгоряченную подругу подышать воздухом у парадного крыльца, мол, Мирона так просто не отпустят. После душного и жаркого арт-кафе свежий воздух казался спасительным. Многие вышли покурить во время музыкальной паузы. Хельга почувствовала, что устала, но ведь ей еще предстоял важный разговор. С гор спускался туман. Становилось зябко. Марта вдруг вспомнила интересную новость, которую она недавно узнала.

– А знаешь, Деон мне сказал, что сын Мирона стал монахом и живет в монастыре в Косово.

– Не может быть! – подумала Хельга.

– Откуда он узнал это?

Что-то странно кольнуло под лопаткой, и чуть-чуть закружилась голова.

– Пожалуй, я много выпила... – сказала она Марте.

– Может, не стоит сегодня оставаться до конца? – посоветовала Марта. Но именно сегодня Хельге хотелось остаться,

хотя теперь она уже ни в чем не была уверена.

– Как все оказывается непросто.

Ей вдруг вспомнился кадр из телепередачи, где она увидела разрушенный храм, миротворцев, она внезапно увидела Мирона в рясе.

– Как все это несовместимо и неразрешимо.

Они вернулись за свой столик. И снова зажигательные мелодии, и снова крепкий коктейль и игра ударника, от которой содрогалось сердце, которая вызывала восторг и отчаяние... Красавец-босниец пригласил Хельгу на танец, и это было шансом для нее привлечь внимание Мирона. Она чувствовала, что все глаза прикованы к ней. Когда-то в молодости она неплохо танцевала танго, и они плавно задвигались на площадке у сцены. Смуглый танцор, вероятно, был профессионалом, и Хельга едва поспевала за ним. Сердце в ее груди колотилось в каком-то бешеном темпе... Вокруг них возникли другие пары, и Хельга, воспользовавшись случаем, передала Мирону записку, где просила его позвонить. Липкий пот струился по спине Хельги. Ей было невыносимо жарко. Зал громко аплодировал. Босниец галантно подвел Хельгу к ее столику, эффектно поцеловал руку. Голова кружилась все сильнее, и тошнота подступала к горлу. Они ушли из арт-кафе с Мартой раньше обычного, и это было так не похоже на Хельгу. Она не могла припомнить такого случая, когда бы уходила с концерта Мирона, не дождавшись окончания. Туман сгущался, и очертания фонарей и деревьев ка-

зались фантастическими. Ноги Хельги стали ватными, и она с трудом передвигала их. Их путь до отеля казался бесконечным... Больше Хельга ничего не помнила. Произошел какой-то провал в памяти.

Ее разбудил звонок телефона. Он настойчиво повторялся. Все тело Хельги сковало, и она боялась пошевелиться.

– Что со мной, – думала она.

В области сердца ощущалось какое-то странное жжение. Она попробовала приподнять голову, но она кружилась, и перед глазами мелькали мушки.

– Это же Мирон, я так мечтала, и что же?

Телефон звонил бесконечно долго. Звонки прерывались и повторялись снова. Наконец он смолк. Усилием воли Хельга дотянулась до ящика тумбочки, где лежали таблетки. Выпила ударную дозу и от сердца, и от давления, снова закрыла глаза и вздрогнула, потому что снова зазвонил телефон. Ну что она скажет ему сейчас, пусть лучше думает, что она выпила лишнего и крепко спит.

– А если все это мне не поможет, нужно вызывать скорую, ну все же еще подожду... Может, он уже стоит под окнами?

Время как будто остановилось, ей очень хотелось выкарабкаться из этого своего нездоровья, но ничего не получалось, жжение в груди разливалось все сильнее. И она вспомнила про ХЗУ. Когда-то знакомый врач порекомендовал ей этот препарат как запасной вариант при гипертонических кризах, и она решила попробовать. Но как его достать, ведь

он в сейфе. Она очень осторожно начала приподниматься, стараясь дотянуться до ящика-сейфа. Казалось, этот момент решал всю ее жизнь. Это была теперь сложнейшая процедура – набрать нужный код. Сердце трепетало, в груди что-то колело. Не раз и не два повторяла она эти замысловатые для нее телодвижения. Дрожащей рукой достала из сумочки XYZ и положила под язык.

Ей показалось, что спала она одно лишь мгновение, и снова ее разбудил звонок телефона. Снова трель повторялась множество раз. Через несколько минут в дверь постучали.

– Фрау Хельга, – услышала она приглушенный голос консьержа. – Фрау Хельга, с вами все в порядке?

– Все нормально, – ответила Хельга не своим голосом.

– Фрау Хельга, вам звонят из Берлина, перезвоните, пожалуйста, своему зятю, у вас родилась внучка.

– Благодарю вас, – громко ответила она.

– Неужели раньше срока, что могло повлиять на это? – поразилась Хельга. Она посмотрела на будильник, уже было одиннадцать часов дня. Пропущен и завтрак, и процедуры, но главное – она жива. С трудом приподнявшись, села на постель.

Нужно идти к врачу, снимать кардиограмму, и, если здоровье позволит, немедленно к дочери. Ее помощь теперь необходима, все же как-никак бывшая медсестра. Она больше не могла оставаться в Пиештянах.

– А Мирону я обязательно напишу письмо, приглашу к

себе, когда все утрясется... – шептала Хельга, собираясь к врачу.

Ловушка в эндшпиле

Повесть

*Посвящается Д. Ф. Л.
Тебе известны, как и мне,
Непобедимые влечения,
И мы – в небесной вышине,
И мы – подводные течения.*

К. БАЛЬМОНТ.

Часть первая

Тихо падал снег. В эти поздние вечерние часы Ясенеvый переулок, что в Хамовниках, был пустынен. Редко горели одинокие фонари. Вдоль переулка тянулись низкоэтажные старые постройки, которые в этой части города еще сохранились. Тихий переулок плавно переходил в другой переулок, где располагался небольшой деревянный особнячок с мезонином – шахматный клуб. Особнячок ласкал взгляд редких прохожих: казался несколько обветшавшим, но как-то уютным и симпатичным. Выполнен он был в стиле «деревянного классицизма»: фасад с шестиколонным портиком, большие окна, одноэтажный флигель, высокий глухой забор, резные ворота. В окнах мерцал слабый свет.

Павел Иванович Петричкин – тучный человек лет сорока, с залысинами, медлительный и осторожный, хороший шахматист, вынужденный подрабатывать сторожем, дремал на уютном диванчике, неся ночную вахту, и как опытный игрок анализировал вчерашнюю не доигранную партию. Как странно получилось, играя черными, он предполагал блокировать пешечный центр белых – защита Грюнфельда, но соблазнился идеей атаки, начал занимать диагональ и прозевал момент, когда белые начали атаку на королевском фланге. Он должен был бы не допустить этого, вновь и вновь возвращаясь к злополучному моменту, ломал голову, как мог бы избежать этого. Незаметно для себя он почувствовал, как что-то спуталось на доске, и в полусне среди фигур он увидел жену, которая как-то странно подмигивала и манила его.

– Зачем она здесь? Как это неудачно, – подумалось ему. – Уйди, – приказал он ей и начал обдумывать новую позицию этой странной партии. Жена исчезла, как бы растворилась, так же внезапно, как и появилась, но в сознании возникли родители, они также мешали, не давали ему сосредоточиться. Так было еще с ранней юности, когда влечение к шахматам превратилось в смысл жизни, он имел хорошие перспективы, подавал большие надежды, и это подстегивало его. Перед ним возник образ первого тренера (из шахматного кружка на стадионе юных пионеров на «Динамо») Юркова Владимира Николаевича, которого он очень любил, который «заразил его шахматами» на всю жизнь. Юрков научил анализи-

ровать сложные позиции, находить нестандартные приемы, сочинять этюды. Вспомнились ребята из школы Ботвинника, первые яркие впечатления, внезапно ощутил чувство удивления, когда впервые был отобран на сборы в числе двадцати сильнейших в пионерский лагерь «Орленок». Это перевернуло отношение к нему школьных товарищей: теперь он был не просто «Петрушей», но «шахматным Петрушей», и учительница по математике смотрела на него с каким-то странным прищуром. Отец относился очень ревниво к его необычайным способностям, а мать считала эти занятия вредными для его здоровья и вызвала из деревни бабушку. Они никогда не поддерживали его, а в голове звучал голос Ботвинника:

– Не будь столь категоричен при анализе худших позиций, изучай партии Ласкера, и ты найдешь в них фантастические ресурсы обороны.

В особнячке он работал недавно. Гнал партию за партией с компьютером, анализировал свои и чужие партии, но порой ему снилась жена, которая после рождения их девочки жила на два дома: то у своих родителей, то лишь изредка приходила к нему. Они жили через двор друг от друга. Супруга была молода, ничего не умела делать, ссорилась с его матерью. Ее мать категорически не хотела, чтобы они расписывались, так как Петричкин мало зарабатывал, ничем не занимался, кроме шахмат, никакой другой профессией не владел, но после рождения ребенка смилостивилась. К трудностям быта в совместной жизни они пока так и не смогли приспособить-

ся. Да и квартирка, где он размещался с родителями, была, увы, в чисто советском стиле – миниатюрная двухкомнатная хрущевка. Жить с ее родителями также не представлялось возможным. На комнату с соседями она не соглашалась, а чтобы снять квартиру, у Петричкина не хватало денег. Короче говоря, часто Павлу Ивановичу хотелось жены, и временами он пребывал в сладострастном томлении-дремоте, а она летала над ним во сне и смеялась и манила его, казалось, что она вот-вот сядет рядом с ним, и его губы вздрагивали, однако это мешало ему сосредоточиться в игре, и он постоянно чувствовал какой-то подвох...

Когда Павел Иванович открыл глаза, очнувшись от дремоты, стояла неестественная тишина, и он подумал, что же могло помешать его сну, который он отлично помнил и, в общем-то, не прочь был увидеть продолжение интересной партии, если бы не помехи... Однако он переключился и стал рассматривать экзотическую картину, висевшую в бывшей гостиной особняка. Это было абстрактное изображение Ноева ковчега в современной интерпретации, и снова один из персонажей напомнил ему жену, вернее что-то в обнаженной груди жены Ноя, потому что лицо и волосы были уж очень абстрактны и не впечатляли. Ему вспомнилось, как совсем недавно на этом же самом диванчике он лежал с ней, ночные встречи в клубе были спасением от родителей. Они обсуждали лимонно-зеленую картину, и им было весело. Однако же нужно было избавляться от бессонницы, и он решил

подняться на второй этаж и посмотреть телевизор в бывшей комнате прислуги, которую теперь шахматный клуб сдавал для занятий английским языком, комнату с приличной мебелью и креслом посередине, там также было удобно дремать под телевизор. Павел Иванович не спеша поднялся по винтовой лесенке, расположенной рядом с центральной залой, где стояли шахматные столики. Уселся в кресло у телевизора, но сосредоточиться не мог, мрачные мысли овладевали им. Он думал о несправедливости жизни.

Павлу Ивановичу катастрофически не хватало денег. Он вспоминал свои последние встречи с женой, которой все время что-то было нужно: то платье, то туфли, то пирожные, и ему делалось противно. Правда, тут же возникало плаксивое личико малютки, и было жаль ее. В то же время в сознании всплывали пеленки, целые ворохи грязного белья и уставшее, вечно недовольное лицо жены с всклокоченными волосами в ванной и, несмотря ни на что, всегда в каких-то эротических позах во время стирки пеленок, которыми в доме ее родителей была увешена вся кухня и ванная, которые везде валялись и преследовали его, и он думал, что хорошо, что в доме у его матери пеленок не было.

– Может быть, это вовсе и не любовь? Ведь в наших отношениях ничего не было возвышенного... Это мещанство, – рассуждал он. Но с другой стороны отчетливо понимал, что и дать-то ей, в известном смысле, ему было нечего. Однако не оставаться же одному на всю оставшуюся жизнь. К тому

же его тянуло к ней, когда они какое-то время не виделись. Ему не хватало ее молодой энергии, бесшабашной жизнерадостности. И все же после их свиданий его не покидало ощущение какой-то нечистоплотности. Как будто он совершал нечто недозволенное, а, может быть, и то, чего делать-то и вовсе не стоило. Иногда ему казалось, что все его несчастья происходят от того, что он плохо играет в шахматы, то единственное, ради чего и стоило бы жить. Он постоянно находился в противоречии с самим собой и все больше верил в судьбу и что-то предначертанное свыше.

– Верно, в душе что-то перевернулось, и я становлюсь верующим человеком, а возможно, и всегда им был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.